

А. А. МИЛЛЕР

НОВЫЙ ИСТОЧНИК К ИЗУЧЕНИЮ СВЯЗИ СКИФИИ С КАВКАЗОМ

Название «каменные бабы», сложившееся на юге России в применении к каменным статуям определенного типа и времени, впоследствии широко усвоенное, распространено было и на древние каменные изображения всякого рода, безотносительно к их типу и происхождению. Такое своеобразное объединение по существу разнородных памятников в едином термине нашло некоторое отражение и в научной литературе, создавая нередко весьма крупные недоразумения. Н. И. Веселовский в своей работе о мнимых каменных бабах¹ настаивал на необходимости сужения значения термина до пределов его тесного применения к группе турецких каменных статуй, к которым, в сущности, первоначально он и относился; вместе с этим он перечислял и такие памятники, которые, называясь каменными бабами, с этими турецкими памятниками не имели, по-видимому, ничего общего.

«Для правильной постановки дела», писал Веселовский в другой своей работе, «прежде всего надо установить, что следует разуметь под народным термином «каменные бабы», и отбросить все им постороннее и сомнительное; но это пока никем еще не сделано»².

Из сказанного видно, что каменные статуарного характера памятники юга России разнообразны и что, несмотря на значительную по этому вопросу литературу, статуи остаются мало изученными, и мы до настоящего времени не имеем сколько-нибудь полной их классификации.

Среди этих памятников выделяется основная (численно) группа, которую, как это убедительно доказывал Веселовский в только что указанной его работе, мы в праве связать с турецкими «балбалами» и смотреть на них, как на вклад кочевников-тюрков в сложный состав дошедших до нас памятников древности юга России и Предкавказья.

Следует иметь в виду также, что группа эта не является, по-видимому, однородной и что, вероятно, в пределах нашего юга имеются памятники разного времени, а может быть, относящиеся и к различным тюркским пле-

менным образованиям; по крайней мере, типологически «каменные бабы» дают в пределах общего типа ряд значительных вариаций, оценка которых остается пока задачей будущих изысканий.

Выделяя из состава «каменных баб» то, что к ним не относится, Веселовский совершенно основательно выделяет и обособляет «каменные кавказские статуи с крестами»³, и делает это на том основании, что «тип этих статуй совсем иной, чем у каменных баб. Здесь видна другая культура. Какой народ воздвигал эти христианские памятники, мы точно еще не знаем; но, во всяком случае, не турки»⁴.

Каменные статуи Северного Кавказа, действительно, представляют собой нечто самостоятельное с давнего времени, и лишь в известный период мы можем их рассматривать в качестве явления, сосуществовавшего с турецкими балбалами в близком соприкосновении, чем, в сущности, и могут быть объясняемы некоторые стилистические черты, взаимно роднящие отдельные известные мне экземпляры той и другой группы. Обращаясь к характеристике группы кавказских памятников, мы должны будем прежде всего установить точку зрения на соотношение статуй и указанных Веселовским признаков, т. е. греческих христианских надписей и изображений крестов. Признаки эти, весьма ценные в качестве источника, однако, в отношении ко всей группе кавказских статуй имеют характер лишь временного явления, ограниченного пределами извне пришедшего культурно-исторического влияния.

Кавказские статуи, по своему характеру, распространению и иным признакам, представляются нам как коренное и древнее явление, весьма сложное в своих филиациях и, во всяком случае, генетически, ничего общего не имеющее с указанным культурно-историческим влиянием, отразившимся на статуях лишь в названных признаках.

Группируя кавказские каменные статуи и родственные им памятники, мы можем наметить ясно определяющиеся категории. Прежде всего мы отметим памятники, имеющие средневековые греческие христианские надписи и кресты. Вторую категорию составят современные осетинские цыртцæвæн'ы, представляющие собой типологически некоторое лишь видоизменение памятника статуарного⁵, дошедшего в такой форме до наших дней на той же функциональной основе. Эти две категории, правда, разделены значительным промежутком времени, и перед нами в данный момент имеется несомненная лакуна, не заполненная пока никакими связующими звеньями. Однако нужно помнить, что на Северном Кавказе имеются статуи, вовсе не входящие в выше поименованные категории. Прежде всего на старых кладбищах в Горной Осетии имеются антропоморфные каменные изваяния, более старые, чем современные цыртцæвæн'ы.

С другой стороны, и в иных районах Северного Кавказа не раз были отмечены статуи, не имевшие ни надписей, ни крестов, датировка которых пока остается открытым вопросом⁶.

Вполне возможно, что среди этих памятников, при их детальном типологическом изучении и в сопоставлении с инвентарем соответствующих им могил, открыты и установлены будут такие экземпляры, которые заполнят лакуну и свяжут в одно явление как статуи средневековые, так и памятники современные.

Не останавливаясь на этих вопросах дольше, перехожу к основной цели настоящей заметки – описанию двух кавказских и одной донской статуй, представляющих собою новый и исключительный по значению источник, который в корне может изменить значимость всей группы кавказских статуй вообще.

Донская статуя открыта была мною в 1910 г. в одном из курганов могильника, находящегося на дельте Дона, близ станицы Елисаветовской. Могильник этот, по культуре основных погребений, стоит в связи с древним поселением, обширные остатки которого расположены здесь же вдоль берега ныне высохшего, а ранее значительного, протока Дона⁷.

Курган, давший эту интересную находку, находился в восточной части могильника, у широкой ложбины, соответствующей, вероятно, также бывшему здесь протоку, отделявшему остров с поселением и могильником от другого острова, на котором находятся большие курганы, известные под названием «Пять братьев»⁸.

Курганная насыпь (по дневнику раскопок 1910 г. – № 8)⁹ носила следы прежних раскопок, в особенности на верхушке, имевшей вид площадки; высота насыпи не превосходила 0,80 м. При раскопке, в толще насыпи, в середине, находимы были отдельно лежавшие камни, не примыкавшие один к другому и не составлявшие кладки. Камни эти встречались от поверхности насыпи и почти до уровня горизонта. В насыпи также, но ближе к восточному ее краю, найден был обломок ручки греческой амфоры красной глины, обычного для данного могильника типа амфор эллинистической эпохи. По снятии насыпи, на уровне горизонта обнаружилась обширная могильная яма в виде округлого пятна, мешаной земли, границы которого ясно прослеживались в светлой песчанистой почве. На этом уровне могильная яма имела около 3,50 м в длину (с З на В) и около 3 м в ширину.

Непосредственно над ямой лежала каменная статуя лицевой стороной вниз (рис. 1, исп. по фотографии). Нижний ее край находился приблизительно в середине могильного пятна, а головой статуя лежала на север, со склонением около 15° к востоку, почти касаясь с этой стороны обреза ямы.

Рис. 1.

По снятии статуи, раскопки продолжались в пределах очертаний могильной ямы, стенки которой имели наклон внутрь могилы.

На глубине 0,60 м ниже уровня горизонта яма имела 3,20 м в длину (В-3) и 2,70 в ширину, сохраняя округлые очертания. На глубине 0,25 м ниже уровня горизонта на стенках ямы показались остатки белого перегнойного камыша, которые прослеживались до самого дна могилы, до глубины 0,80 м. Дно могильной ямы имело также округлые очертания и следующие размеры: длина – 2,60 м (В-3), ширина – около 2 м в середине.

В западной половине могилы не оказалось никаких остатков погребения, но в ее восточной части на дне вперемежку лежали остатки пищи в виде двух костей конечностей и нескольких ребер крупного животного, бедренные кости (одна над другой), обломки черепа и нижней челюсти человека, а рядом с ними – 4 железных наконечника копий, соединившихся в процессе разрушения металла в одну массу, а также комок перержавевших трехгранных бронзовых наконечников стрел (расположение находок зарисовано).

Характер разрушения могилы грабительской раскопкой был таков, что восстановление первоначального положения находок и известных пределов оказывается возможным. Из сравнения состояния и положения костей животного и человека видно, что первые сохранили свое положение без изменений и были целы; что же касается костей человека, то все они были изломаны, лежали в беспорядке, а некоторых частей скелета не оказалось в могиле вовсе. Весьма вероятно, что скелет человека находился в западной части могилы, которая привлекла особое внимание грабителей и подверглась полному разрушению, причем ломаные кости, а также копыта и

стрелы, переброшены были к восточному краю ямы. Подобный прием ограбления древних курганных могил мною наблюдался не раз в могильнике Елисаветовской станицы.

Что касается времени разрушения могилы, то здесь можно лишь сказать, что это произошло много позже момента погребения. Могила разрушалась в то время, когда кости человека стали ломкими, когда железные наконечники копий представляли собою уже один комок ржавчины, а бронзовые наконечники стрел образовали одну компактную массу окиси металла.

Несмотря на такую степень разрушения, все же представляется возможным судить о типе погребения и о его отношении к иным погребениям могильника.

Погребение кургана № 8 целиком мы можем включить в группу курганных погребений, характеризующихся целым рядом весьма стойких признаков и датируемых первыми веками до нашей эры¹⁰.

Мы это вправе сделать по следующим признакам, устанавливаемым для нашего погребения: 1) могильная яма по длине расположена на В-З, 2) стенки ее сохранили остатки перегной камыша, 3) остатки пищи помещены в восточной половине могилы, 4) скелет человека, по всем данным, находился в западной части могилы, 5) при скелете находились железные наконечники копий и бронзовые наконечники стрел обычных типов, 6) весьма вероятно также, что в могиле была и амфора, разбитая и выброшенная грабителями (фрагмент найден в насыпи кургана).

Что касается присутствия в насыпи камней, то это, не являясь признаком, господствующим для курганных погребений данной эпохи в этом могильнике, тем не менее наблюдаемо было не раз в соотношении с иными чертами устройства могилы и характера инвентаря, вовсе не дававшими основания выделять подобные могилы в особую группу.

Остается основной вопрос об отношении найденной статуи к погребению, а следовательно и к основной культуре курганного могильника, расположенного в районе древнего Танаиса.

Заметим, что в насыпи кургана № 8 не было никаких впускных погребений и что нижняя часть памятника приходилась над серединой могильной ямы. Полагаю, что эти данные свидетельствуют в пользу непосредственной связи нашего памятника с данным погребением.

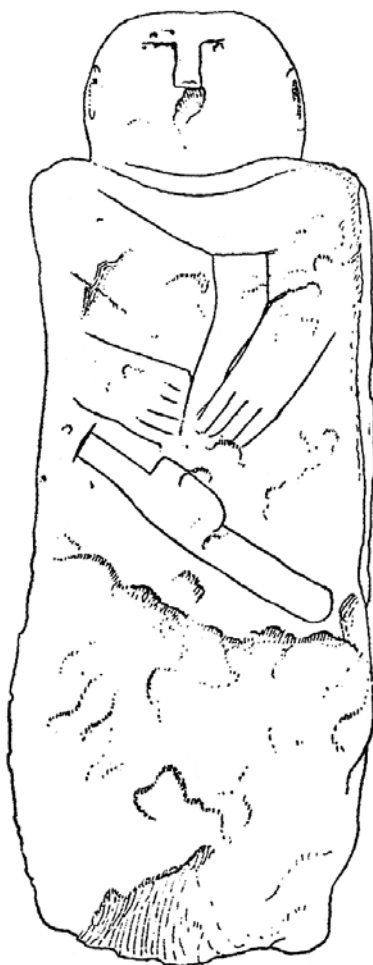
Сам памятник (рисунки 2 и 3, исполненные по фотографиям) представлял собою каменную толстую плиту, обработанную со всех сторон, с головой наверху. Высота статуи – 1,40 м. Передняя и боковые поверхности были отесаны более или менее ровными поверхностями, с задней же стороны, где не было никаких изображений, обработка не имела такого тщательного характера. Материалом послужил местный раковистый извест-

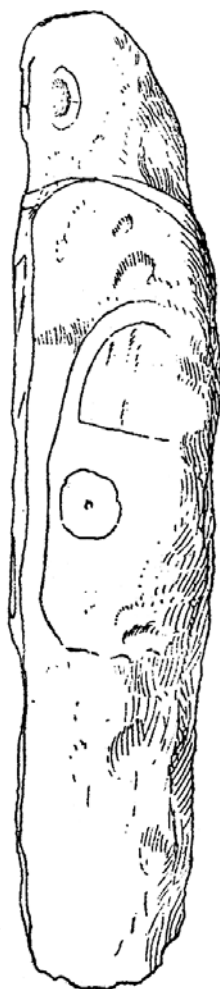
Фото 1. Донская каменная статуя. Исторический музей в Москве.

няк, выходы которого имеются в окрестностях, в высоких берегах, где эти отложения залегают под лёссовидным суглинком и бурыми глинами. Материал пористый, довольно хрупкий, весьма неудобный для скульптурной работы.

На статуе имеются изображения, исполненные отчасти в плоском рельефе, а отчасти – углубленными контурными линиями. На голове различимы глаза в виде двух горизонтальных углублений, переходящих в прямые контуры носа. По сторонам сделаны изображения ушей в виде овальных, вертикально расположенных углублений, окаймленных слабым рельефом. Под головой, но только с лицевой стороны статуи, явно выступает выработанный в рельефе широкий кант, которым имелось в виду, вероятно, изобразить ожерелье.

Рис. 2.

Рис. 3.

От правого плеча к середине груди спускается прямая углубленная черта, ниже и параллельно ей, но не столь явно, выступает и вторая черта. К каким реальным элементам одежды или вооружения относятся эти две линии, для меня остается неизвестным. В середине памятника углубленными бороздами воспроизведены руки, а между ними такой же техникой изображен ритон с уширенным и слегка изогнутым верхом. На правой руке различимы все пять пальцев, в то время как на левой – лишь четыре. Возможно в этом усматривать вполне реальное данное, исходя из предположения, что ритон держат именно левой рукой, большой палец которой и остается скрытым за рогом.

Ниже руки, в пропорциональных соотношениях, следовательно у пояса, мы имеем контурное изображение кинжала, хорошо известного типа скифского акинака. Акинак, с типичным боковым выступом в верхней части облицовки ножен, внизу имеет широкую закругленную форму, замечательно с этой стороны совпадая с золотой облицовкой ножен, найденных мною в этом же могильнике, в кургане № 1 (раскопки 1910 г.)¹¹.

С правой стороны статуи нет никаких изображений, но с левой стороны (рис. 3) мы имеем рельефное изображение горита с выступающим из него луком. На горите высечен кружок с небольшим углублением в центре.

Замечательно здесь положение акинака, совершенно соответствующее тому, как и теперь носится кавказский кинжал, к которому акинак столь близок и как тип оружия. Полагаю, что изображению на статуе можно доверять и что акинак, следовательно, носился, в пределах, по крайней мере, культуры, выраженной данным могильником, именно так, а не у правого бедра. Это подтверждается рядом находок, из которых приведу здесь наиболее доказательные.

В кургане № 1 (раскопки 1910 г.) открыта была могильная яма, западная часть которой оказалась ограбленной: кости черепа были изломаны и сдвинуты со своего перво-

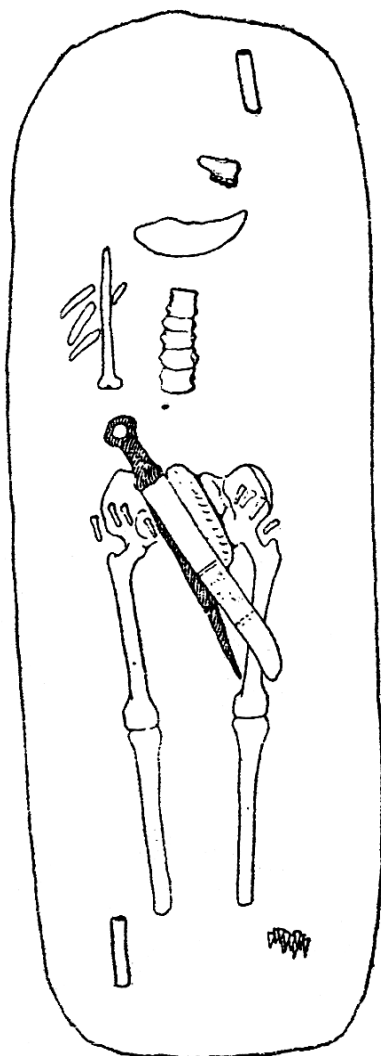

Рис. 4.

начального положения, а некоторых костей в могиле не оказалось совсем. Граница грабительской ямы проходила приблизительно у пояса погребенного; в восточной, следовательно, половине, могила сохраняла нетронутый вид. В совершенно правильном соотношении лежали кости таза, бедренные и берцовые кости. Сверху лежал железный кинжал с золотой облицовкой ножен в положении, вполне соответствующем изображению на статуе. Невозможно допустить, чтобы кинжал, одетый на пояс у правого или левого бедра, принял в могиле подобное положение, но вполне естественным мне кажется думать, что акинак в данном случае вполне воспроизводит естественное положение кинжала, подвешенного к поясу в середине (рис. 4).

Совершенно в таком же положении мы находим акинак и в погребении кургана № 10 (раскопки 1909 г.), где не было заметно никаких признаков ограбления и нарушения первоначального расположения костей и предметов¹². Интересно и то, что погребенный имел на себе массивное пологое ожерелье¹³. У левого бедра обнаружены были пятна окиси железа и

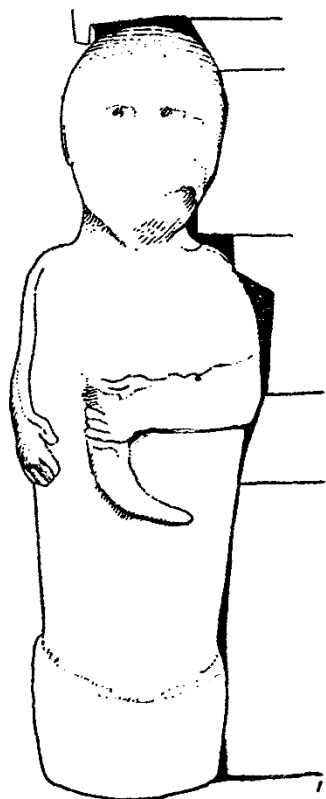

Рис. 5.

меди, соответствующих наконечникам стрел, лежавшим в горите, подвешенном к поясу, у левого бока, как это и обычно встречалось в курганных погребениях этого могильника.

Все эти три типичных элемента, объединенные в данном погребении, находятся также и на статуе¹⁴.

Эта находка совершенно нового памятника побудила меня внимательно осмотреть собрания каменных баб, находившихся в Новочеркасске и Екатеринодаре.

Новочеркасские памятники, хранившиеся частью в музее, а частью размещенные в ограде оранжереи городского сада, все оказались относящимися к группе подлинных «каменных баб» или «балбалов».

Однако во дворе частного владения Лошкобанова я нашел каменную статую, которую можно отнести к типу кавказскому. Статуя эта привезена была из Сальского округа в Новочеркасск и здесь использована в качестве углового опорного столба в деревянном здании (рис. 5)¹⁵. В левой руке фигура держит рог; никаких иных изображений мною обнаружено не было, и да-

тировать этот памятник, при теперешнем нашем запасе сведений, пока не представляется возможным.

Несравненно более ценные находки дал осмотр каменных статуй в Екатеринодаре. Следует заметить, что здесь собрание каменных статуй подверглось значительным порчам, последовавшим, вероятно, в результате их неоднократных перемещений. Судя по фотографии, опубликованной в приложении к газете «Приазовский край» 5 марта 1906 г., каменные статуи одно время вместе с пушками хранились в деревянном сарае. В 1910 г., во время моих поисков, каменные статуи, однако не все, расставлены были вдоль аллей в парке, перед домом атамана, две статуи стояли на тротуаре у здания Государственного банка. В числе этих последних была и большая каменная женская статуя с большим рогом в правой руке, открытая в 2 верстах к югу от станицы Преградной¹⁶.

Вторая статуя, сильно попорченная, стояла рядом, врытая в землю (рис. 6, исполнен по фотографии 1910 г.). Голова была отбита, отбиты были и руки, и вся поверхность, видимо тщательно отделанная, носила следы многочисленных и довольно глубоких повреждений.

Статуя изображала собой человека в длинной одежде, открытой на груди, наподобие современной черкески; у пояса обе полы сходятся как раз посередине. К поясу у левого бедра подвешен колчан с гравированным изображением, заставляющим вспомнить о кружке на колчане донской статуи. В левой руке фигура держит рог, правая рука лежит на кинжале, подвешенном к поясу спереди. Кинжал имеет боковую лопасть и по этому признаку может быть отнесен к типу акинака, чему не противоречат ни форма навершия рукояти, ни его размеры. Ножны сужались книзу, в отличие от кинжала донского.

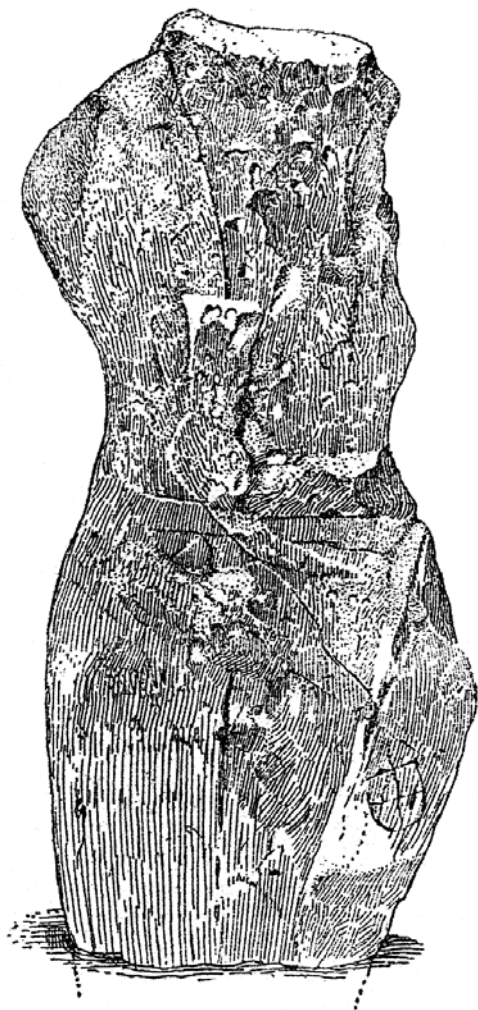
Вторая из статуй этого типа находилась в парке перед атаманским домом. Сделанная из твердого камня, она, тем не менее, была сильно попорчена – голова отсутствовала, левое плечо и левая рука были отбиты, и вся статуя была разбита по поясу на две части (тбл. II)¹⁷.

Памятник представлял собою фигуру человека, воспроизведенную в форме скульптурно обработанной толстой каменной плиты (ср. пропорции статуи en face с ее профилем, изображенным на рис. 8). Размеры фигуры, как и только что описанной, несколько превосходили нормальные пропорции человека. Внизу статуя оканчивалась приблизительно на уровне середины бедра.

Фигура одета была в панцирь, пластинки которого изображены были в рядовом расположении на груди от оплечья до пояса, по правому бедру (рис. 8) и отчасти – с задней стороны, внизу. Пластинки на груди сделаны были в рельефе, на бедре же и сзади – в виде решетки из перекрещиваю-

щихся врезанных линий. Сзади, выше пояса и до оплечья, на статуе не было никаких изображений. Верхняя часть одежды представляет собою род оплечья, резко отделенного на руках у плеч поперечным выпуклым кантом, с которым соединяется такой же кант, спускающийся от ворота. Замечательно, что совершенно аналогичная особенность в одежде имеется и на изображении скифа из Аму-Дарьинского клада¹⁸.

Спереди «оплечье» граничит с верхним рядом панцирных пластинок и в середине украшено рельефным сложным изображением, к сожалению довольно сильно попорченным и не поддающимся определению (тбл. II). Спереди, на правой стороне «оплечья», и сзади в соответствующем месте на спине помещены два крупных рельефных изображения голов грифонов

Рис. 6.

Рис. 7.

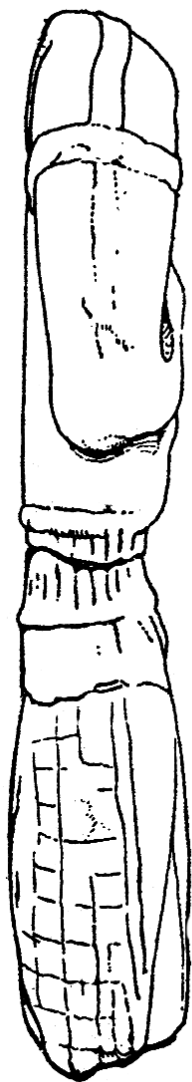

Рис. 8.

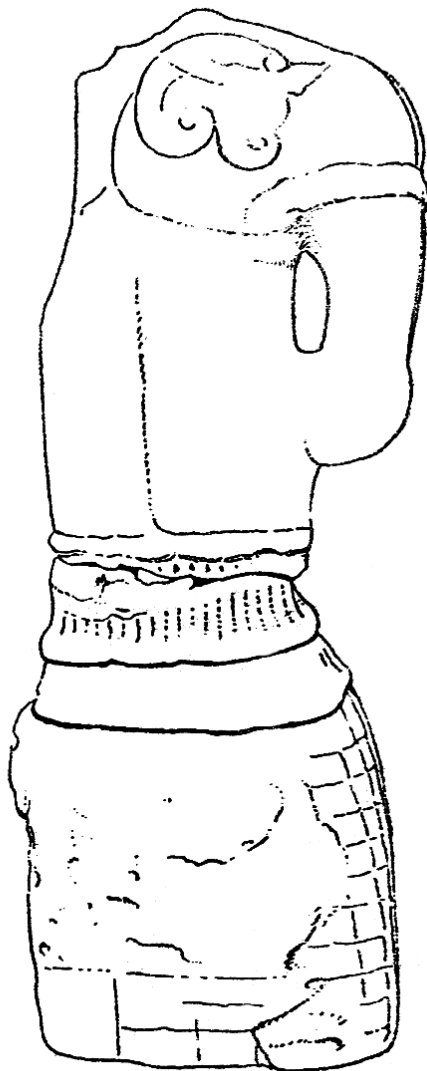

Рис. 9

(тбл. II и рис. 9). Вероятно, подобные парные изображения были и на левой, отбитой, части статуи. Лучше сохранилось изображение головы грифона на спине, рисунок которого исполненный по фотографии 1910 г., здесь приводится особо (рис. 10). Стиль и характер этого замечательного изображения находят себе ближайšie аналогии в бронзовых и золотых изделиях из курганных находок скифо-сарматской поры и на юге России и в Предкавказье. Глаз грифона поставлен высоко, рядом с ухом, от глаза вперед выступает широкий наносник, из-под которого выходит клюв со свернутым декоративной спиралью концом. Подобной же спиралью обработа-

на и щека, заканчивающая изображение.

С правой стороны от пояса вниз по бедру и вперед расположены рельефные полосы, значение которых остается для меня пока неясным. Фигура опоясана широким поясом, окаймленным рельефными кантами; пояс со всех сторон статуи имеет часто расположенные вертикальные

Рис. 10.

бороздки, показывающие с большой вероятностью, что мы имеем здесь изображение скифского наборного из бронзовых пластинок пояса.

С левой стороны к поясу подвешен горит с луком (рис. 7), а спереди – акинак с широкой боковой лопастью прямоугольных очертаний и с рукояткой, очень близкой к некоторым разновидностям рукояток скифских кинжалов. И здесь мы вновь видим акинак подвешенным не у правого бока, а спереди, совершенно так, как и теперь носят кавказский кинжал.

В правой руке фигура держит большой, исполненный в высоком рельефе, круто изогнутый рог; кисть левой руки помещена над поясом, у ритона¹⁹.

Заканчивая краткое описание двух кубанских статуй, не могу не выразить удивления по поводу того, что эти памятники, пребывая в составе Екатеринодарского собрания «каменных баб», вероятно, не один десяток лет, так долго не были никем отмечены. Редакция материалов по археологии Кавказа в прибавлении к основному содержанию выпуска седьмого приводит «краткий перечень тех крестов, столбов и человеческих изображений, которые собраны по поручению Московского Археологического Общества Е. Д. Фелициным и Г. И. Куликовским при поездках их по Северному Кавказу»²⁰.

В этом перечне не все памятники опознаваемы; наряду со статуями с крестами есть указания на памятники и иного, по-видимому, характера, «без следов крестов»²¹. Памятник № 17 описан следующим образом: «Рельефное изображение на каменной плите (Фелицин называет его рыцарем) мужской фигуры, весьма попорченной, без головы и рук, но правильных размеров, с ясно очерченными ногами, в коротком платье или панцире, со следами пояса и оружия»²².

Весьма возможно, что среди памятников Кубанского края еще будут открыты древние и столь ценные в научном отношении экземпляры, не считая тех, которые уже были открываемы, но судьба которых нам неизвестна.

Фото 2. Кубанская каменная статуя. Краснодар.

Что подобные памятники были действительно необходимы, об этом свидетельствует Н. Каменев в статье, помещенной в «Кубанских Ведомостях» в 1870 г.²³. Ввиду возможного тесного отношения сведений Н. Каменева к описанным в этой заметке статуям, привожу выдержки из его статьи, относящиеся к памятникам.

«Каменные истуканы и барельефы. При въезде в ущелье р. Зеленчука найден был каменный истукан, высотой в 5 аршин. Он изображал мужчину, у которого левая рука, приложенная к груди, держала сосуд вроде турьего рога, а правая покоилась на рукоятке сабли²⁴, привешенной к поясу и откинутой влево. На голове истукана был шишак.

Такие же два истукана, открытые по р. Кафару, перевезены ныне из ст. Сторожевой в ст. Отрадную. Место, раскопанное под истуканом, не обнаружило даже признаков могилы, и мы сомневаемся, чтобы они имели значение надгробных памятников.

В одной версте от стан. Преградной, по направлению к Урупскому ущелью, найдены в земле три каменных барельефа, высеченных на плитах, длиной в 6 арш., шир. в 1 $\frac{1}{2}$ арш. при толстоте в 1 арш. Два из них, незначительно поврежденные, изображают мужчину и женщину с выступающими подножьями, ниже которых барельефы были водружены на 2 арш. в землю. Третий, хорошо сохранившийся, изображает также мужчину на таком же подножии. Несмотря на грубость материала, фигуры высечены чисто и с соблюдением пропорциональности во всех частях, особенно последняя.

На первом барельефе мужчина одет в тунику без пояса, имеет на шее два обруча или ожерелья; правая рука у него, отбитая по «локоть, положена на грудь, а левая, опущенная ниже пояса, придерживает неизвестную вещь вроде колчана. Фигура женщины одета в длинное платье, поверх которого на оба плеча накинута пеплум. Правая рука у ней приложена к груди и держит сосуд. На шее – ожерелье, а в ушах – серьги²⁵.

На третьем барельефе мужчина также в тунике, но подпоясан; левой рукой держит на груди сосуд, а правой кинжал. Ниже пояса на левой стороне у него висит неизвестная вещь вроде колчана. Все фигуры с открытыми головами, и сосуды у них похожи на турьи рога.

Раскопки под первыми двумя барельефами были безуспешны, а в кургане, находившемся вблизи третьего и уже тронутым, найдены стрелы разных форм, каменные бусы, крышечка из олова и куски глиняной посуды. От костей остались одни следы».

Располагая таким сравнительно детальным описанием, мы можем догадываться о существовании в предгорьях Кубанского края особой группы памятников, тесно – типологически, а может быть, и по времени – связанных с нашими двумя краснодарскими и одной донской статуями.

В заключение оговорюсь, что все же более близко связанными культурой и эпохой я считаю два памятника – донскую статую, время которой определяется основными погребениями курганного могильника, и вторую краснодарскую статую (тбл. II), эпоха которой устанавливается целой совокупностью признаков. Мы имеем, следовательно, два памятника с Дона и Кубани, относящиеся, несомненно, к скифо-сарматской поре. Что касается первого из описанных краснодарских памятников (рис. 6), то он типологически очень близок к первым двум; но я не вижу ни в стиле, ни в изображениях никакой прочной опоры для его отнесения к той же эпохе: тип колчана неясен, рог в руке не является признаком древности, встречаясь и на памятниках средневековых, а в отношении акинака я предпочту пока воздержаться от точной датировки пределов возможного бытования этой разновидности кинжала на Северном Кавказе²⁶, если, как это мы именно и имеем налицо в данном случае, время акинака не определяется деталями его обработки и украшения или иными сопутствующими данными.

Наши статуи побуждают к дальнейшим разысканиям и ставят естественный вопрос о возможной генетической связи средневековых памятников с памятниками скифо-сарматской поры. Если бы это было доказано, то мы получили бы непрерывную цепь бытования погребальных памятников на Северном Кавказе с древнего времени вплоть до современности, а вместе с этим в сумму новейших данных в ориентации вопроса об этнокультурных соотношениях Кавказа и юга России введен был бы источник весьма крупного значения и со стороны фактов культуры материальной.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Н. И. Веселовский, Мнимые каменные бабы, ИАК, XVII, 1–23.

² Веселовский. Современное состояние вопроса о «каменных бабах» или «балбалах», Одесса 1915, 3.

³ Веселовский, Мнимые каменные бабы, 23.

⁴ У. с., 26.

⁵ См. выше, А. Миллер, Краткий отчет о работах Сев.-Кавказской Экспедиции Академии в 1923 г.

⁶ Например, статуя, воспроизведенная в статье В. М. Сысоева, Древности по верхнему течению Кубани. МАК, IX, 164–163, рис. 70.

⁷ Миллер, Раскопки в районе древнего Танаиса. ИАК, 63,5; также Краткий предварительный отчет, см. выше.

⁸ И. Леонтьев, Археологические разыскания на месте древнего Танаиса. Пропилеи, IV, 513.

⁹ Краткие сведения о кургане помещены в отчете о раскопках, см. ОАК, 1909–1910, 146.

¹⁰ МИЛЛЕР, Раскопки у ст. Елисаветовской в 1911 г. ИАК, 36, 220–222.

¹¹ ОАК, 1909–1010, 145, рис. 210.

¹² МИЛЛЕР, Раскопки в районе древнего Танаиса. ИАК, 35, 104, рис. 9.

¹³ МИЛЛЕР, у. с, 118, рис. 25.

¹⁴ Этот памятник по окончании раскопок передан был мною на временное хранение в ростовский музей, где он и должен был храниться впредь до решения Археологической Комиссии. Впоследствии Археологическая Комиссия поручила Ростовскому Музею передать памятник в Исторический музей в Москве, куда он и был отправлен.

¹⁵ Рисунок исполнен по фотографии 1910 г.

¹⁶ МАК, VII, 141, тбл. XXIII, рис. 4.

¹⁷ Воспроизведение на тбл. II, а также рисунки 7, 8, 9 и 10, исполненные по фотографии 1910 г.

¹⁸ O. M. DALTON, *The treasure of the Oxus*, L. 1903, тбл. XIII, 48.

¹⁹ Памятник этот был мною в том же году перевезен из сквера в местный музей, при настоятельной рекомендации принять все возможные меры к его сохранению. В 1923 г. он найден был мною в музейном дворе под навесом, специально приспособленным для хранения «каменных баб» и иных крупных предметов древности. За время пребывания во дворе музея с 1910 г. памятник был вновь сильно попорчен. Что касается статуй, стоявших у Государственного банка, то их я не мог найти ни на прежнем месте, ни в музее.

²⁰ МАК, VII, 137.

²¹ У. с, 142, № 22.

²² У. с., 140.

²³ Н. КАМЕНЕВ, Попытка археологических разведок в Кубанской области. Куб. ведомости, 1870, № 47.

²⁴ Полагаю, что здесь возможна ошибка в применении термина сабля. Не имеем ли мы и здесь акинак?

²⁵ Вполне вероятно, что описание это относится к женской статуе, мною упомянутой, которая издана в МАК, VII, тбл. XXIII, 4, тем более, что и по месту находки мы имеем совпадение.

²⁶ Соображения о поздних пережитках этого типа кинжала см. у М. ЕВЕРТ, *Ein Dolchscheidenfragment aus Südrussland*. *Opuscula Archaeologica Oscari Montelio septuagenario dicata*, 1913, 271, рис. 1.